

Словно собака, помечающая территорию. Он ведь не телеграфный столб. Поэтому, когда старина Цинь в девятом классе предложил помочь с меткой, Цзян Хуай отказался.

Цзян Хуай снова сбросил школьную форму Бо Цзяня. Расстегнув две верхние пуговицы на рубашке, он с вызовом посмотрел на Бо Цзяня:

— Ну так давай попробуем?

Бо Цзянь пристально смотрел на него. Его кадык слегка дернулся:

— Что попробовать?

Тот же самый диалог, только роли поменялись. Но оба прекрасно всё понимали.

Цзян Хуай грубовато дернул воротник, обнажив плечо у основания шеи. Тень у ключицы легла глубокой ложбинкой. Ему не нравилось слово «метка».

— Укуси меня, — сказал он.

— Если после этого ты не почувствуешь на мне запаха собственных феромонов, — продолжил Цзян Хуай, — то проехали. Делай что хочешь. Понял?

Бо Цзянь смотрел на него:

— Цзян Хуай, ты уверен?

Цзян Хуай провел языком по зубам:

— Чего, вам два слова «укуси меня» нужно повторять дважды?

Бо Цзянь тихо ухмыльнулся:

— Цзян Хуай, это временная метка, а не просто укус.

Его взгляд задержался на шее Цзян Хуая. Рубашка промокла насквозь, две пуговицы расстегнуты, открывая шею целиком. Под холодным светом люминесцентных ламп она казалась настолько белой, словно вот-вот растает.

Он снова опустил веки и произнес до крайности лукавую фразу:

— Это то, что Альфа может делать только с Омегой.

То, что Альфа делает только со своим Омегой.

— Ты ведь понимаешь? — спросил Бо Цзянь.

— Понимаю, — Цзян Хуай усмехнулся без тени веселья, подошел к Бо Цзяню вплотную и уставился на него. — Председатель, определение метки есть в школьном учебнике естествознания. Если вам так хочется поговорить, лучше идите к Линь Фэю писать объяснительную. Первый раз всегда трудно, а во второй проще: с таким опытом в следующий раз, когда снова вляпаетесь, уже не будете...

Бо Цзянь наклонился и вдохнул запах у шеи Цзян Хуая. настолько близко, что его дыхание коснулось расстегнутого воротника.

Цзян Хуай резко умолк.

Он попытался отступить назад, но Бо Цзянь перехватил его запястье:

— Не уходи.

— Да не уйду я, — брови Цзян Хуая медленно сдвинулись к переносице, образуя глубокую складку. Он попытался вырвать руку из хватки Бо Цзяня. — Я... ты... прямо здесь?

Бо Цзянь сжал его запястье крепче, не давая освободиться, и распрямился:

— Не здесь. В классе камеры.

Только сейчас Цзян Хуай вспомнил, что в классе, мать его, висит камера:

— Блядь...

Тогда в мужской туалет?

Цзян Хуай уже собрался спросить, но Бо Цзянь, не выпуская его руки, потянул за собой:

— Идем со мной. Возле книжного шкафа слепая зона.

— ...А ты, я смотрю, опытный?

Цзян Хуай имел в виду умение прятаться от камер.

Но Бо Цзянь повернул голову и возразил:

— Я никого раньше не метил. Заметил это место, когда проверял записи со студенческим советом.

Цзян Хуай замер:

— ...О.

Они подошли к книжному шкафу. Цзян Хуай толкающим движением коснулся его стенки:

— Отодвинуть?

— Не нужно, — Бо Цзянь бросил взгляд на стеклянную дверцу шкафа. — Просто... встань здесь.

Бо Цзянь поднял руку и разгладил складки на воротнике Цзян Хуая:

— Повернись спиной. Опопрись на шкаф.

Цзян Хуай опустил голову и не видел Бо Цзяня. Он видел лишь их тени на полу. Тень за его спиной медленно приближалась, сливаясь с его собственной. Бо Цзянь не касался его — лишь уперся руками в стеклянные дверцы шкафа по обе стороны от него.

Дыхание то и дело касалось затылка и шеи.

Цзян Хуай еще никогда не чувствовал, чтобы задрожок был настолько чувствительным. Казалось, от одного лишь чужого дыхания кожа покрывается мелкими мурашками.

— Может быть немного больно.

Цзян Хуай молчал. Говорил Бо Цзянь:

— Терпи.

Бо Цзянь провел пальцами по шее Цзян Хуая, отводя в сторону его небольшую косичку. Цзян Хуай не произнес ни слова. В отражении стеклянной дверцы Бо Цзянь видел, что на лице того не было ни единой эмоции. Даже затылок, казалось, выражал полнейшее равнодушие.

Приблизившись, Бо Цзянь ощутил исходящую от Цзян Хуая холодную сырость. Сверху вниз прилипшая к телу рубашка отчетливо подчеркивала узкую талию. Цзян Хуай так и стоял, опустив руки вдоль тела, не опираясь на шкаф и не касаясь его, точно его поставили в угол в наказание.

Бо Цзянь слегка наклонился, не отводя взгляда от отражения лица Цзян Хуая.

Губы коснулись кожи.

Цзян Хуай резко вскинул руки и уперся в дверцы шкафа:

— Черт...

Остальные звуки потонули в невнятном хрипе, который он изо всех сил задавил в горле.

Это была не боль.

Практически мгновенно ледяные, проясняющие разум феромоны хлынули наружу. Они были холодными, как ночной снег, но при этом заставляли все тело гореть. Словно острый клинок, феромоны врезались в него, проникали глубже, заполняли без остатка... пробуждая еще более глубокую жажду.

У Цзян Хуая даже колени подогнулись, он едва не рухнул на пол.

Притяжение Альфы было заложено самой природой. За все свои семнадцать лет Цзян Хуай впервые осознал это настолько отчетливо и постыдно.

Бо Цзянь опустил взгляд и увидел, как кончики ушей Цзян Хуая медленно заливаются краской.

Он слегка разжал зубы:

— Больно?

Цзян Хуай не ответил.

Бо Цзянь уставился на крошечный укушенный участок кожи. Покрасневшая ранка сочилась несколькими каплями крови. Он наклонился и слизал их. Ему хотелось потереть ухо Цзян Хуая, но рука так и не двинулась.

— Почти всё, — лишь тихо сказал Бо Цзянь. — Умничка.

— ...Пошел к черту.

Цзян Хуай с непроницаемым лицом застегнул пуговицы на рубашке.

Временная метка была поставлена. Ни Бо Цзянь, ни Цзян Хуай не произнесли больше ни слова.

Бо Цзянь посмотрел на Цзян Хуая:

— Кажется, я только что уловил и твой...

Цзян Хуай закинул рюкзак на плечо и распахнул окно. Второй класс находился на первом этаже, так что Цзян Хуай легко выпрыгнул наружу, перемахнув через подоконник одной рукой:

— Следующего раза не будет. Я пошел.

— ...

От автора:

Председатель: Использовал и бросил?

Пока я достаточно силен, парню меня не догнать.

Цзян Хуай наконец-то поплатился за свою веру в собственную силу.

На следующий день Цзян Хуай пришел в школу в свитере с высоким горлом.

Вчера шел дождь, но сегодня погода стояла удивительно хорошая: тучи рассеялись, и снова потеплело.

Когда холодно — в футболке с коротким рукавом, когда жарко — в свитере. Вэй Хэпин спросил с совершенно неопишуемым выражением лица:

— Цзян Хуай, тебе в свитере-то в школу ходить не жарко?

Цзян Хуай ничего ему не ответил.

Бо Цзянь сидел, подперев голову рукой, и созерцал плотно закрытую шею сидевшего впереди одноклассника. Тот сегодня с ним еще ни разу не заговорил.

Впрочем, обычно сосед спереди и так не проявлял инициативы в общении.

Он слегка потянул пальцами за задний край его свитера.

Цзян Хуай лишь подался вперед, ближе к переднему краю своего стола, даже не обернувшись. Это означало: «Выкладывай, что у тебя там».

Бо Цзянь раскрыл длиннопалую ладонь с легкой улыбкой:

— Будешь конфету?

— Нет.

— Шоколадная.

— Не люблю.

Бо Цзянь слегка приподнял уголки губ:

— Будь дружелюбнее к тому, кто сидит сзади. Будь хорошим учеником, который ладит с одноклассниками.

Цзян Хуай нахмурился и косо взглянул на него через плечо:

— Ты что, младшеклассник?

— Ага. Второй класс, вторая группа.

— ...

Цзян Хуай нахмурился еще сильнее. Посмотрев пару секунд на изящную конфетку в руке Бо Цзянь, он с полнейшим отвращением зажал ее большим и указательным пальцами.

Повернувшись обратно, он сорвал два слоя обертки и бросил шоколадку в рот.

Цзян Хуай сильно сжал челюсти, будто жевал жвачку.

И тут же во рту раздался взрыв густой, до головокружения сладкой карамельной начинки.

Цзян Хуай замер. С потемневшим лицом он обернулся.

Бо Цзянь спросил:

— Сладко?

Цзян Хуай поднялся с места и молча вышел из класса.

Когда он вернулся, с его подбородка стекали капли воды. Он ходил умываться, а если Бо Цзянь не ошибался, то еще и прополоскал рот. Бо Цзянь на мгновение опешил.

Цзян Хуай с абсолютно бесстрастным лицом прошел мимо него, бросив:

— Пошел нахуй.

Цзян Хуай не любил свои феромоны.

Он испытывал к ним такое же отвращение, как и к результатам обследования из больницы, подтвердившим, что он Омега.

Цзян Хуай до сих пор помнил то тошнотворное чувство, подступившее к самому горлу, когда за день до медосмотра в седьмом классе он заранее сдал анализ крови на дифференциацию и получил справку с результатом: «Омега».

Он не испытывал неприязни к Омегам как таковым.

Он просто ненавидел то, что сам оказался Омегой.

Или, скорее... боялся, что не сможет никого защитить.

И этот сладкий, похожий на жженный сахар карамельный запах феромонов он тоже не любил.

К полудню, когда уроки закончились, мокрые пятна на прорезиненном покрытии баскетбольной площадки после вчерашнего дождя полностью высохли. Яркое солнце пекло как огненный шар, и стоило только начать двигаться, как тело мгновенно покрывалось потом.

На следующей неделе в баскетбольном турнире на выбывание Второй класс должен был играть против Тринадцатого класса. Сегодня была пятница, и физрук Чжао Тяньцин организовал сборную команду класса на тренировку. Тринадцатый класс сильной командой не считался: кроме одного игрока из школьной сборной, играть там было некому, обычный середнячок по параллели... Но проблема заключалась в том, что Второй класс стоял ровно столько же.

От Второго класса на турнир заявилось всего семь человек: пятеро в основном составе и двоих в запасе.

Трое Альф и четверо Бет. Чжао Тяньцин тоже был Бетой.

<http://bllate.org/book/18377/1766522>